

Синица больше журавля

Культура. 2000 - 5 апр. - с. 10

К орнитологии Казанского фестиваля им. Шалыпина

XIX Международный оперный фестиваль имени Ф. И. Шалыпина разразился салютом Казанской опере. Возможная только в России модель — микст репертуарного и контрактного театров — раскрутила инерцию театра-дома до амбиций оперной компании. Ее задача — производство и сбыт продукции за границей и у себя. Риск недопустим. Концепция отрицает авторский театр, эксперимент и приращение смысла: все для широкого зрителя. Он хочет и будет потреблять любимое блюдо, но качественно приготовленное и красиво поданное. Искусство вновь принадлежит народу. Оно должно быть ему понятно, а не понято им. Ставка только на популярные названия и адаптированную сцену: либо в переносах музейного "золотого фонда" ("Борис Годунов" Федора Федоровского и Баратова и "Пиковая дама" Владимира Дмитриева из Большого, восстановленная Вячеславом Окуновым по эскизам Александра Головина "Кармен"), либо в унифицированных для массового сознания оригиналах Окунова ("Севильский цирюльник", "Богема") и Игоря Гриневича ("Травиата", "Тоска"). Направленная "к месту" режиссура Алексея Степанюка (мини-фестиваль пяти его постановок шел в рамках основного) большей частью резонирует импульсам сценографии и покоряется музыке. Иногда — в оригиналах — перехватывая инициативу ("Травиата"). На башне Казанского кремля выстроились певцы, прежде всего гастролеры. Именно они принципиально лидируют в стратегии театра и качественно, и количественно. В общем, я впервые увидел столь откровенную концепцию представления-проката, вокально-сценографического показа, столь народной и оперной оперы!

Фестиваль по определению не мог не стать ее праздником. Торжество традиционной оперы обнаруживает свою самодостаточность, чему рукоплещет и неизменно горячий зал. В самом деле: точное соблюдение правил игры — залог успеха. Поместите в

заданных параметрах Валентину Цыдыпову (Тоска) и Теймураза Гугушили (Каварадосси), прибавьте к ним мариинца Виктора Черноморцева (Скарпиа) и отличный оркестр с Игорем Лацаничем (известный украинский мастер работает главным дирижером по контракту), и вы уже получаете "Тоску" Пуччини. Именно ту, чье недавнее столетие еще раз подтвердило ее непоколебимое первое место в мировых хит-парадах. А почему бы не разыграть "Пиковую даму" и "Кармен" в соблазнительной ретроклассике Дмитриева и Головина? Тем более что в колоде есть козыри: Юрий Марусин и Анжела Швачка. "Странный" вокал Марусина словно наизнанку выворачивает странного Германа. Его необычная современная энергетика обречена в этом ушедшем городе — Петербурге Дмитриева. Перпендикуляр их отношений образует крест. Выигрывает "старуха". Не дама пик, но "Пиковая дама". Тройка — семерка — туз: оркестр (снова Лацанич) — персонаж — спектакль (неудачи не в счет)! Второй выстрел в "десятку" — наконец-то "Кармен" в натуре! Рекомендую: Анжела Швачка — стихия в 27 лет (при поддержке оркестра с Владимиром Васильевым). "Циничная, невинная, жестокая — именно в этом природа!" (Ницше). Главное — эротическая природа голоса, чья севильская жара (40°), агрессия и захватывающая несделанность инстинктов не могут не убить в поединке полов (Марусин — Хозе уступает и обречен здесь по-другому). Даже несделанность ее сценического рисунка уходит в прохладную тень, бросая вызов режиссеру (подозреваю, что не только в этой постановке).

Компромисснее выглядят авторские "Травиата" и "Богема". Когда жанр спектакля не задан, приходится делать свое лекало. Однако поиск требует логики и развития. Новые ходы с трудом пробиваются в обычных модулях здания: удачнее у Степанюка (загадочный лейтмотив масок — карнавала жизни, роковой для Виолетты игры), менее — у Лаца-

нича (притушенная драматургия сквозной сцены Виолетты — Жермона, неубедительные "стоп-кадры" в финале бала у Флоры). Рафинированное пение казахской дивы Нуржамал Усенбаевой отвергло скромное обаяние буржуазии (Альфред — Ахмед Агади с отцом — Черноморцевым). Озарения куртизанки зажгли спектакль. В "Богеме" счастье выпало Лацаничу с оркестром: музыка одухотворила громоздкую сцену с вернисажным перебором импрессионистов и последователей.

Заведенный механизм самоигральных спектаклей-репродукций и унифицированных оригиналов нуждается в ремонте, но в целом безотказен. На самом деле он эффективнее и эффективнее, чем думают скептики-индивидуалы. Это давно поняли великолепные прагматики — Рауфаль Мухаметзянов (директор) и Гюзель Хайбулина (художественный руководитель оперы). Стойкий тандем интендантов — своего рода феномен в России — сумел свести традиции провинциальной антрепризы с передовым опытом мира. Не случайно казанцев активно покупают за рубежом, а Хайбулина мечтает о прокатных возможностях Венской оперы (30 дирижеров и более 200 солистов за сезон). Трезво относясь к казанскому феномену (творчество как бесконечное открытие все равно незаменимо, и публика ждет его), не могу не видеть показателем явления культуры. Фестиваль событий и респектабелен — даже в таких миниатюрах, как вступительные слова-эссе Вадима Дулат-Алеева, — благодаря новому "эффекту синицы". Окольцевав птицу, главные орнитологи Оперы выпускают ее, и синица взмывает над башней Кремля. Потом вновь садится. Конечно, она не журавль, но зато — и в руках, и в небе. Разве кто-то сомневается, что синица — синяя птица? Синяя птица нового времени?

Михаил МУГИНШТЕЙН
Казань